

Тобольские власти были слишком далеки и слишком загружены собственными делами, ведь губернское, провинциальное и уездное руководство, сосредоточенное в Тобольске, разделялось только номинально. Административные заботы по всем уровням управления, по большому счету, ложились бременем на один и тот же круг должностных лиц. Поэтому руководители слободских дистриктов не были только податными агентами уездной власти. С укрупнением административно-территориального деления в Южном Зауралье в 1730-х гг., в рамках процесса, начатого учреждением Исетской провинции, слободские дистрикты раньше и естественнее других дистриктов региона эволюционировали по своему статусу в полноценные уезды.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

Богословский М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719—1727 гг. М., 1912.

Вершинин Е. В. Ирбитская слобода в XVII в. // Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII—XVIII веках. Екатеринбург, 2003.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление), оп. 1, д. 5а, 21б; оп. 2, д. 424.

ГАТО. Ф. 47 (Тюменская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 1683, 3395, 3396.

Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002.

РГАДА. Ф. 1113 (Вятская приказная изба), оп. 1, д. 29.

Редин Д. А. Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII в. / ПИР. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003.

Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города, XVIII век. Новосибирск, 1991.

Е. С. Соколова

**«ДВОРЯНСТВО ЕСТЬ НАРИЦАНИЕ В ЧЕСТИ...»:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ
ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

В 1777 г. Москва праздновала заключение мира с Турцией. Среди приехавших в Первопрестольную на торжества находился А. Т. Болотов, управляющий Киясовской волостью, которая была составной частью личного удела Екатерины II. В своих записках Болотов не скрывает того, что поездка в Москву затевалась не из верноподданических чувств, а ради удовольствия жены и тещи, «которым никогда еще в жизни не случалось видеть таких пышных празднеств, а особливо фейерверков» [Болотов, 1993, 206]. Окунувшись в праздничную суету московских улиц, Болотовы не сразу почувствовали политическую значимость наблюдаемого ими

события. Посещение литургии в Успенском соборе изменило их настроение. По словам Андрея Тимофеевича, «ничто не могло сравниться с тем прекрасным зрелищем, которое представилось нам при схождении императрицы с Красного крыльца... во всем блеске и сиянии ее славы» [Болотов, 1993, 210]. Впечатление от увиденного было настолько сильным, что минуты в Кремле, проведенные под звон колоколов, сопровождавших шествие Екатерины II, сохранились в памяти Болотова как самые восхитительные в его жизни. Он вдруг почувствовал свою корпоративную сопричастность всему служилому сословию, причисляя находившееся тогда в Москве дворянство к лучшим людям своего времени.

Приведенный отрывок является замечательным свидетельством ориентации рядового помещика на общепринятые стереотипы всеподданнической верности сословному долгу. Болотов не относился к числу дворян, отрицающих данный стереотип. Судя по запискам, у него редко проявлялось равнодушие к собственной карьере или пренебрежение к внутрисословной иерархии. Это вполне объяснимо: Болотовы происходили из старинной, но обедневшей семьи, которая связывала свое благополучие с государственной службой. Образованность и мечтательность уживались у Андрея Тимофеевича с трезвым практицизмом. Дома, в Киясовке, он еще раз обдумывает все виденное и приходит к заключению о том, что самым совершенным из всех полученных впечатлений было созерцание императрицы на Ходынке перед началом фейерверка. «Она, — пишет Болотов, — провела почти все... время в игрании с несколькими из знаменитейших вельмож в карты» [Там же, 218], беспрепятственно допуская к столу всех желавших из «нашей братии» [Там же].

Мемуарист полностью уверен в правильности своей социальной ориентации, так как она вполне типична. Большинство публики, как и он сам, имело «удовольствие насмотреться, сколько хотели, императрицы» [Там же]. Болотов предельно ироничен по отношению к тем, чьи представления о должных поступках государыни отличаются от привычной модели официального величия. С полным сознанием собственного превосходства автор повествует о наивных ожиданиях небогатых дворян, которые весь праздник прогуливались перед лавками с дорогими товарами, «мечтательно надеясь, что товары сии приготовлены для оделения ими всего дворянства», в то время как у императрицы «того и в мыслях не было» [Там же, 219]. Трудно сказать, какое настроение преобладает у Болотова: радость от сознания собственной правоты или насмешка над глупцами, переносившими на европеизированную государыню представления московской старины? Несомненно одно: для людей типа Болотова личное достоинство дворянина проявляется в убеждении, что награда может быть только следствием беспорочной службы престолу и Отечеству.

Ориентация на приобретение сословной чести выслугой чинов являлась отличительной чертой значительной части дворянской элиты послепетровской эпохи. Частично она была подготовлена всем ходом развития законодательной политики молодого российского абсолютизма, направленной на превращение высшего сословия в ведущий служилый слой русского общества. Немаловажным фактором

становления сословного самосознания дворянина стало оживленное обсуждение вопроса о жизнеспособности «петровского наследия» в верхах столичного дворянства, остро реагирующего на борьбу претендентов за власть в период дворцовых переворотов. После смерти «северного исполина» дворянство быстро утратило даже видимость сословного единства, созданную Табелью о рангах 1722 г. Дальнейшая политическая судьба еще неокрепшей абсолютной монархии, а вместе с ней и высшего сословия зависела от того, насколько гибко новое поколение законодателей сумеет привести в соответствие интересы «чина», «породы» и верховной власти. Первым испытанием на прочность российского абсолютизма и его сословных институтов стали политические события 1730 г. «Затейка» верховников положила начало устойчивой традиции дворянской публицистики XVIII в., материалы которой являются ценным источником для изучения эволюции сословного правосознания российской аристократии времен золотого века дворянства.

Многочисленные свидетельства современников полностью опровергают общеизвестный тезис В. О. Ключевского о том, что в деле 1730 г. «фамильные тягались с фамильными» [Ключевский, 1989, 268]. Мощная поддержка широких слоев провинциального дворянства повлияла на решение Анны Иоанновны отказаться от митавских «кондиций» и восстановить самодержавную форму правления. В. Н. Татищев сообщает, что под врученным герцогине Курляндской прошением дворян о принятии «самодержавства» было поставлено 262 подписи мелких и средних помещиков. Эти данные подтверждаются А. И. Юхтом и другими исследователями последних десятилетий [см., например: Прокопович, 1909, 434—435; Татищев, 1979, 147—148; Юхт, 1985, 305—306]. Опасения сторонников абсолютистской монархии имели основания. Это видно из текстов аристократических проектов об ограничении верховной власти, разработанных накануне венчания новой императрицы на царство.

Содержание Пунктов присяги, подготовленных верховным Тайным советом, не оставляет сомнений в политических притязаниях старомосковской знати. Для решения государственных дел «в помощь царственной особе» предполагалось выбирать кандидатов «из первых фамилий». Им же должно было отдаваться предпочтение при назначении чиновников Сената и коллегий [см.: Протасов, 1970, 89—99].

О введении правовых различий между «старинным» и «новым шляхетством» беспокоились и составители «проекта 13-ти», к числу которых принадлежали С. Д. и А. Д. Голицыны, А. Б. Куракин, В. Оболенский, Н. Хованский и другие потомки аристократических семейств Московского царства [см.: Корсаков, 1880, 11—12]. По свидетельству прусского посланника Мардефельда, это были совсем молодые люди, еще не имеющие высоких рангов [см.: Там же]. В то же время представляется далеко не бесспорным другое известное утверждение В. О. Ключевского, принятое рядом исследователей, что в 1730 г. петровская Табель «еще не успела... освободить чин от гнета породы» [Ключевский, 1989, 267]. Приглашение в верховный Тайный совет военных и гражданских сановников первых четырех классов вне зависимости от родословной для обсуждения вопроса о будущем

российской монархии было свидетельством растущего влияния дворянства «выс­луги» [см.: Протасов, 1971, 85—108]. К высоким чинам начинала стремиться и старая аристократия, которая не собиралась отвергать сословные выгоды, связанные с успешным продвижением по службе. Юридический смысл соперничества между «фамильными» и «чиновными» заключался в попытке повысить государственное значение «природного» дворянства, очищенного от «подлого люда». Согласно Пунктам присяги, рядовые представители высшего сословия полностью удалялись из сферы управления. Продвижение по службе ставилось в зависимость от «достоинства» и «породы». Существенное изменение вносилось в принцип вы­слуги: потомственные дворяне освобождались от обязательной службы «в подлых» и нижних чинах.

Иную позицию занимали средние слои высшего сословия. В «Записке о дворянском движении 1730 г.» В. Н. Татищев интерпретировал необходимость участия рядового дворянства в управлении государством как способ создания наиболее устойчивой формы абсолютизма. Для оказания помощи императрице в «делах внутренней экономии» предлагалось утвердить «нижнее правительство» из выборных дворян. Новый орган исполнительной власти должен был обратить внимание прежде всего на сословные нужды незнатного шляхетства. Право утверждения законов оставалось за монархиней, чтобы избежать «шаткости» правления [см.: Татищев, 1979, 149; Протасов, 1963, 248—265; Юхт, 1985, 289—319]. Изложенная Татищевым тенденция наиболее отчетливо проявилась в проектах сторонников идеи широкого дворянского представительства, высказанной группой среднего шляхетства во главе с князем А. М. Черкасским. Перед монархией был остро поставлен вопрос о необходимости пересмотреть социальные позиции всех категорий высшего сословия.

Общее содержание дворянских проектов 1730 г. не оставляет сомнений в том, что ни аристократия, ни «подлое» шляхетство не собирались окончательно ссориться с верховной властью. Вслед за рядовым дворянством сторонники аристократической олигархии были вынуждены признать, что с сословной точки зрения «самовластное правительство... всех прочих полезнее». За императрицей оставалось право утверждать кандидатов в Совет и Сенат. В сохранении устойчивой монархической власти участники и очевидцы борьбы за власть видели надежную гарантию укрепления правового статуса благородного сословия. Деятельное участие в законодательстве расценивалось всеми слоями дворянства как важнейшая сословная привилегия [Корсаков, 1880, 9—11; Бумаги Волынского, 1871, 6—8; Протасов, 1970, 88—89].

Сходными идеями была пронизана сословная публицистика более позднего периода. Впрочем, уже с 50-х гг. XVIII в. попытки дворянской элиты убедить самодержцев в высоком государственном предназначении высшего сословия имели мало общего с олигархическими замыслами «верховников». Старой знати пришлось потесниться. В 1754 г. Елизавета Петровна так и не решилась утвердить законопроект об устранении разночинцев, награжденных классными чинами, от «особенных преимуществ» благородного сословия [Проект нового уложения, б. г.,

IX—XII]. В поисках более прочной сословной опоры монархия стремилась привлечь на свою сторону чиновное дворянство, которое по примеру аристократов требовало от правительства надежных юридических гарантий своего социального положения. Большой интерес в этом отношении представляют данные Е. В. Анисимова, который на основе изучения именных списков Лейб-кампании сделал вывод, что в 40—50-х гг. XVIII в. 82,5 % состава гвардии были выходцами из податных состояний. На фоне приведенных сведений указ от 25 февраля 1742 г. о производстве в чины по старшинству выслуги и подтверждающие его нормативные акты более позднего периода можно расценивать как логический итог дворцовых переворотов 30—40-х гг. XVIII столетия [см.: Анисимов, 1986, 28; ПСЗ, XI, № 8516, 8789; XIV, № 10267].

Стремление узкого круга потомков допетровской знати победить чин «породой» вызвало у широких слоев дворянства заинтересованность в укреплении сословных привилегий личного и имущественного характера. После десяти лет бироновщины, ознаменованной крахом политических притязаний аристократии, олигархические настроения утратили привлекательность даже у значительной части титулованной знати. Как либералы, так и консерваторы не раз напоминали правительству о том, что гарантированные законом права и обязанности высшего сословия представляют собой лучшее средство предотвращения социально-политических конфликтов в условиях набирающей силу неограниченной монархии. Суть эволюции взглядов столичного дворянина-чиновника на свое место в государственной системе абсолютизма весьма выразительно прокомментировал И. И. Шувалов в Памятной записке конца 50-х гг. XVIII в., составленной для Елизаветы Петровны. Сословный проект всесильного фаворита заключался в том, чтобы выхлопотать у верховной власти юридические привилегии в сфере государственной службы и имущественных прав. Вопрос о делении дворянства как «истинных сынов отечества» на «благородных» и «подлых» обходился молчанием. Дворяне фактически признавались единой корпорацией, объединенной общностью правового статуса, преимуществом которого должна была стать близость к верховной власти. Родословные распри отходили на второй план перед необходимостью добиться хотя бы временного сословного единства, чтобы обеспечить облегчения служилого тягла ценой политической лояльности к притязаниям монарха на неограниченную власть [см.: Бумаги Н. И. Шувалова, 1867, 72—85].

Подобные взгляды в 60—70-е гг. XVIII в. развивали Н. И. Панин, А. Р. Воронцов, С. В. Голицын, А. А. Безбородко и другие дворянские публицисты, склонные к идеям конституционализма [см.: Панин, 1871, 202—217; Записка неизвестного лица, 1877, 456—462; Безбородко, 1881, 643—646]. Несмотря на увлеченность принципами естественного права, авторы различного рода «проектов» и «записок» все же отводили монарху ведущую роль в сословном законодательстве ради достижения социального компромисса между всеми категориями подданных. С другой стороны, составители сословных проектов реформирования политической системы абсолютизма были не прочь лишний раз напомнить верховной влас-

ти об исторических заслугах и природных дарованиях древних и блестящих аристократических семейств, позволяющих лучшим представителям бюрократической элиты взять на себя роль посредника между правительством и низшими условиями. Сторонники умеренно-либеральной модели ограничения абсолютизма второй половины XVIII в. в основном предусматривали создание символического консультативного Совета, в задачи которого входило укреплять «любовь государя к отечеству и законам». Даже поборник «природных» преимуществ аристократии М. М. Щербатов охотно признавал, что привязанность благородного дворянства к недвижимости укрепляет чувство служебного долга и приверженность к «общему благу». Наиболее безобидный способ внутрисословного равновесия между старым и новым дворянством Щербатов видел в составлении особых алфавитных списков по порядку старшинства аристократических семейств [см.: Щербатов, 1896а, 219—266, 1896б, 394—395]. Аристократия, побежденная принципом выслуги, вынуждена была расширять свои социальные позиции лишь за счет общедворянских привилегий. Сохранение сильной продворянски ориентированной монархии постепенно приобретало характер единственной юридической гарантии «особого» статуса высшего сословия при монархе как для «подлого» шляхетства, так и для родовитой знати.

Выявление основных направлений сословных проектов эпохи дворцовых переворотов позволяет глубже осознать смысл борьбы мнений родовой и чиновной знати о правомерности дальнейшего сохранения в действующем законодательстве принципа подвижности сословных границ. В ходе обсуждения этого вопроса депутатами Уложенной комиссии 1767—1768 гг. большая часть старой аристократии высказалась за то, чтобы считать приобретение дворянства первым обер-офицерским чином временной мерой, установленной на период Северной войны [см.: Исторические сведения, 1869, 149—163, 169—175, 178—183].

Главным аргументом противников выслуги являлся несомненный факт экономической рентабельности крупного землевладения, возникновение которого участники дискуссии расценивали как результат добросовестной службы на «общее благо» нескольких поколений той или иной дворянской фамилии. Ради государственной пользы право на классные чины по военному и гражданскому ведомству предполагалось оставить за теми, кто «самой природой... предназначен для наполнения присутственных мест» [Проект правам благородных, 1881, 170—398]. В обмен на согласие дворянской элиты признать служилый характер потомственной аристократии депутаты екатерининской комиссии потребовали от императрицы расширения сословных преимуществ в сфере гражданского и уголовного права.

Наибольшее беспокойство крупных помещиков вызвали статьи Большого наказа Екатерины II, откровенно признававшие «противность» дворянского предпринимательства «существованию самого державного правления». Многие представители аристократии проявили себя убежденными сторонниками государственной службы и коммерческой деятельности. В Уложенной комиссии прозвучало немало выступлений с рекомендациями использовать прибыль от сбыта произведений

земли для разрешения проблемы штатных окладов, не соответствовавших росту бытовых и интеллектуальных потребностей дворянства. Наиболее последовательной мотивировкой отличались аргументы М. М. Щербатова, который рассматривал доходы от помещичьего хозяйства как «первый способ содержать себя во всех местах, куда Отечество заблагорассудит употребить». Для этого законодательно следовало отказаться от монополии государства на «эксплуатацию лесов и разработку полезных руд». Торговля не только домашним, но и «скупным» товаром должна была стать исключительным преимуществом элиты, занимающей крупные правительственные посты. Ту же цель преследовали многочисленные просьбы дворян о разрешении обязываться векселями, пользоваться «выгодами» от городского права и «заводить фабрики на льготных условиях» наряду с купечеством [Подлинные мнения депутатов..., 1882, 289—414].

Та же тональность свойственна выступлениям дворянских депутатов, направленным против отмены крепостного состояния. Наиболее резкая критика возможного правительственного курса в сфере сословного законодательства была в адрес тех статей официального Проекта о правах благородных, в которых осторожно воспроизводилась идея екатерининского Наказа о делении поместных земель на «крепостные» и «свободные» [см.: Обзор занятий Большого собрания, 1881, 575—585]. Неприкосновенность дворянского преимущества «управлять земледельцами» единодушно расценивалась как залог экономического процветания населенных имений. Многие депутаты прямо говорили о том, что «в вольных деревнях пользы никакой не предвидится», так как вряд ли стоит ожидать от большинства помещиков попечения о свободных крестьянах как о своих собственных. Депутат М. Глазов развил по этому поводу целую социально-экономическую теорию, основанную на тезисе о том, что продажа дворовых издавна спасала дворян от разорения и способствовала росту деревень [см., например: Подлинные мнения депутатов..., 1882, 311—332; Исторические сведения, 1869, 163—164, 184].

Своеобразным итогом выступлений приверженцев хозяйственных привилегий титулованной знати стало предложение ростовского депутата Федора Языкова взять под контроль Сената «экономия» чиновного дворянства. В действующее законодательство предполагалось ввести запрет на покупку деревень и занятие промысловой деятельностью при отсутствии у «подлого» дворянина специального диплома от государя [см.: Исторические сведения, 1869, 184]. Подобные настроения аристократии выдавали ее явное нежелание делиться привилегиями по службе с выходцами из податных людей. В то же время наиболее дальновидные депутаты не отрицали, что пополнение чиновничьих штатов недворянами в дальнейшем может способствовать расширению сословных выгод и для потомственной знати. В комиссии раздавались голоса, требующие утверждения за «природными» дворянами роли хозяйственного сословия в обход требований государственной службы. В основном эти настроения были характерны для помещиков южных губерний. Депутат от г. Изюма Иван Заруднев предложил узаконить за владельцами наиболее доходных хозяйств более ранние сроки отставки. Вместо них он рекомендовал производить в нижние и средние классы

ные чины иностранцев и разных «вольных людей... которые... со вступлением в... службу продолжают ее до конца своей жизни» [см.: Проект правам благородных, 1881, 198; Подлинные мнения депутатов..., 1882, 300, 298—414]. Многие дворянские депутаты считали необходимым введение 50-летнего срока выслуги для недворян, состоящих в обер-офицерских чинах, чтобы не распространять на них общие сословные преимущества. По мнению благородного дворянина Ивана Выродова, принятие соответствующего закона сулило выгоду и для правительства, которое приобретало возможность убедиться в служебной годности двух-трех поколений рода.

Бурные споры о том, кто и как может пользоваться правами дворянского звания, привели в некоторое замешательство доверенных лиц Екатерины II в Комиссии о государственных родах. Следы этой растерянности несут статьи Проекта о правах благородных, где определялись критерии сословной принадлежности. Составители указанного документа во главе с Захаром Чернышевым предложили считать потомственными дворянами наследников знатных предков и лиц, получивших «сие нарицание» непосредственно от монарха. Расплывчатость подобной формулировки вызвала взрыв негодования депутатов из рядов «нового дворянства». В защиту принципа выслуги высказались и зажиточные слои купечества, которые яростно отстаивали «добродетель и заслуги» перед «преимуществами рождения». Многие сторонники «благодетельного... узаконения Петра Великого» предостерегали правительство от слишком поспешных перемен, грозящих потерей «почтения» от подданных. В обмен на сохранение Табели о рангах чиновные дворяне обещали беспрекословное повиновение «царским законам... во всех зависящих от службы и должности их в государстве делах». Объединение вокруг монарха расценивалось как «верный способ» предотвратить «разрушение дворянского корпуса», незаменимого на самых ответственных участках государственной службы. В выступлениях многих депутатов настойчиво звучала рекомендация правительству искать путь к «приращению... власти» в социальной опоре на дворянство «выслуги». Не были забыты и интересы самих «слуг отечества». Многие депутаты рекомендовали законодателям позаботиться о материальном вознаграждении беспоместных чиновников, отменив ради благой цели все ограничения в сфере имущественных правоотношений для широких слоев дворянства. Депутат от Дерпта Иаков-Иоган Урсинус даже заявил, что после объявления о «вольности» служилого сословия государству будет невыгодно расширять привилегии знати в ущерб выходцам из разночинцев, так как потомственные аристократы все чаще оставляют службу «если... имеют хотя бы малое имение» [Обзор занятий Большого собрания, 1881, 577; Подлинные мнения депутатов, 1882, 298—414; 301—307].

Внутрисословный конфликт в Уложенной комиссии 1767—1768 гг. свидетельствовал об одинаковой заинтересованности всех слоев дворянства в сильной монархической власти. В то же время он выявил ряд серьезных расхождений между правительством и дворянскими депутатами по вопросу об юридическом содержании понятия «привилегированный дворянин». Выход был найден в закреплении ряда сословных преимуществ дворянства, санкционированных нормативными

актами 1775—1790 гг. В соответствии с Манифестом от 18 февраля 1762 г. о «вольностях и свободах» законодатель дипломатично обходил молчанием проблему государственных обязанностей высшего сословия, предпочитая четкой юридической норме «эзопов язык». Тем не менее мысль депутатов Уложенной комиссии о том, что для приобретения полноправного дворянского статуса недостаточно блестящей служебной карьеры, так и не нашла подтверждения в сословном законодательстве «просвещенного абсолютизма» [Соколова, 1998, 21—35; 2004, 67—84].

С 1785 г. дворяне могли утверждать свои сословные позиции только в юридических рамках «Жалованной грамоты», где весьма недвусмысленно ставился знак равенства между привилегиями «благородных» и «служебным усердием» лучших представителей высшего сословия. Основные принципы внутрисословной иерархии были отражены в закреплении порядка деления дворянства на разряды. В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев довольно иронично подсмеивался над потомками старомосковского боярства, встревоженными тем, что «древние благородные роды поставлены ниже всех других запиской в 6-ю часть родословной книги» [Романович-Славатинский, 1912, 46]. «Жалованная грамота» откровенно давала понять каждому потомственному дворянину, что его «особый» статус в обществе вызван стремлением власти обеспечить благо отечества, объединив всех членов сословия вокруг трона. При занесении дворянской фамилии в родословную книгу губернии факт служилого прошлого предков претендента, засвидетельствованный 12 «беспорочными» чиновниками благородного происхождения, расценивался как неопровержимое доказательство сословной принадлежности [см.: ПЗС, XXII, № 16187]. Впрочем, после событий Французской революции консервативно настроенные дворяне не собирались оспаривать известное утверждение Н. М. Карамзина о взаимозависимости падения власти Бурбонов и уничтожения привилегий «первого сословия». Союз самодержавия и служилого дворянства монархически настроенные публицисты последующего столетия признавали единственным средством «хранения... благоустройства Российской империи» [Карамзин, 1991, 105—109; см. об этом также: Пазухин, 1886, 60—68]. На фоне этих настроений упрек аристократа А. С. Пушкина, брошенный фамилии Романовых за «уравнительность» и «революционность» сословного законодательства, приобретал черты блистательного исторического каламбура.

Неординарность пушкинского взгляда на роль дворянского сословия в государственной жизни России можно расценить как отражение социокультурных перемен, возникших к началу XIX столетия под влиянием отмены обязательной службы высшего сословия. В последние десятилетия немало написано о влиянии Манифеста 1762 г. на рост общественного самосознания образованных дворянских кругов и формирование чувства личной и корпоративной чести, осознаваемой прежде всего как человеческое достоинство [см.: Фаизова, 1999]. Идея добровольного «служения» Отечеству не только на политическом, но и духовном поприще не раз вдохновляла Пушкина на переосмысление исторического значения дворянства в соответствии с либеральным идеалом века Просвещения. Заслуживает внимания искреннее стремление поэта синтезировать нравственное начало Просве-

щения с принципом «государственной пользы», стремительно набирающим силу в николаевскую эпоху.

Хорошо известна та общественно-политическая значимость, которую Пушкин придавал дворянству как «необходимому и естественному сословию... образованного народа» [Пушкин, VII, 196], способному усовершенствовать государственную систему через органы представительства. Новейшее отечественное пушкиноведение постепенно отказывается от «тенденциозной замутненности» в оценке политических суждений поэта о сущности самодержавного принципа верховной власти [Боханов, 2002, 3—16; Рахматуллин, № 5, 18—32, № 6, 3—26]. Историческая справедливость силы монархического правления и ее благотворность для России никогда не вызывали у Пушкина сомнений. Отдавая должное династии Романовых за ее мощный реформаторский потенциал на ниве образования и просвещения, поэт, тем не менее, позволял себе критические суждения на тему «дворянство и власть».

Политическую силу высшего сословия империи Пушкин основывал на просвещении. Он отнюдь не лукавил перед Николаем I, составляя известную записку «О народном воспитании». Поэт действительно придавал огромное значение той глубокой осведомленности, которую, по его мнению, должен был иметь образованный дворянин в сфере философии и юридических наук. В представлении Пушкина дворянская молодежь, готовясь служить Отечеству, обязана формировать в себе склонность к «искреннему и усердному» союзу с правительством «в великом подвиге улучшения государственных поставновлений», вместо того чтобы «препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве» [Пушкин, VII, 42—43, 537].

Отводя дворянству столь почетную роль в деле государственного созидания, Пушкин исходил из идеального представления о высшем сословии, «отличном по своему богатству» и, в силу этого, имеющем привилегию «быть всегда готовым по первому призыву *du souverain*» [Там же, 537]. При отсутствии же необходимости выполнения гражданского долга звание дворянина диктует обязанность перенести свою социальную активность в сферу духовной деятельности.

Вопрос о государственном предназначении дворянского сословия был тесно связан для Пушкина с проблемой оскудения поместного землевладения в начале XIX в. Рисуя живописными красками Москву, «утратившую свой блеск аристократический», но «процветающую в других отношениях», поэт связывал упадок первопрестольной столицы с разорением старинных дворянских фамилий. В ранних редакциях «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин с горечью описывает процесс обнищания русского дворянина, происходящий «от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротой» [Там же, 636].

В пушкинской публицистике неоднократно встречаются беглые зарисовки униженного экономического состояния аристократической знати. Правнук богача вынужден ехать из столицы в свою подмосковную, «заложенную и перезаложенную» деревню, где живет «в скуке и в нужде, мало заботясь о судьбе детей, которых на досуге рождает ему жена и которые будут совершенно нищими» [Там же].

Мысль Пушкина о том, что дворянство, пришедшее в упадок, ослабляет государство, подтверждается записью в дневниках поэта о разговоре с великим князем Михаилом Павловичем, датированной 22 декабря 1834 г. «Разговорились о дворянстве», — замечает Пушкин. Судя по тексту, в ходе беседы поэт выразил беспокойство проникновением в аристократическую среду людей низкого происхождения. Он говорил Михаилу Павловичу, что «если в дворянство можно будет поступать из других состояний... то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством». Далее, по словам Пушкина, речь зашла о страшной стихии русских мятежей, подобных которым нет в Европе. Тогда поэт высказал мнение, что события 14 декабря 1825 г. явились результатом оскудения старинного дворянства, дробления имений, упадка просвещения и ненависти «противу аристократии... со всеми притязаниями на власть и богатство» [Пушкин, VIII, 60].

«Кто были на площади 14 декабря? — задает Пушкин вопрос своему собеседнику и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много». Продолжая разговор, Пушкин не смог удержаться от критики шагов правительства по отношению к первому сословию: «Vous êtes bien de Votre famille, — сказал я ему, — tous les Romanof sout revolutionnaires et nivellurs (“Вы истинный член вашей семьи, все Романовы революционеры и уравниатели”))» [Там же].

Последняя фраза Пушкина возвращает нас к его наброску записки «О дворянстве», где поэт вновь поднимает вопрос об истоках оскудения дворянства, связывая этот процесс с петровским указом 1714 г. об единонаследии. Запрет Петра Великого на дробление вотчин Пушкин воспринимал прежде всего как меру, направленную на формирование слоя безземельного дворянства, искусственно заинтересованного в государственной службе [Там же, VII, 537]. Окончательное унижение *noblesse russe* Пушкин связывал с правлением Екатерины II. В «Исторических заметках» он дает весьма неоднозначную характеристику екатерининского царствования. Поэт признает силу и независимость внешней политики императрицы, ибо ей «обязаны мы Черным морем и блестящими, хотя и бесплодными победами в Северной Турции» [Там же, VIII, 124]. С другой стороны, именно фаворитизм, процветающий при дворе Екатерины, унизил дух дворянства, «...ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве». Следствием распушенности екатерининского окружения Пушкин считал происхождение огромных имений, которые жаловались людям «вовсе неизвестных фамилий, породив совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа». По мнению Пушкина, именно екатерининская эпоха положила конец своеобразному «дворянству духа», которое могло существовать лишь благодаря передаче культурных традиций из поколения в поколение. «Развратная государыня, — писал поэт, — развратила свое государство» [Там же, 123—125].

В личной библиотеке Пушкина хранился экземпляр «Жалованной грамоты российскому дворянству», напечатанный в 1811 г. по личному распоряжению Александра I [см.: Модзалевский, 1988, 39]. Показательно, что потомок старинной ари-

стократии, гордившийся тем фактом, что «четверо Пушкиных подписались под грамотой об избрании Михаила Романова» [Пушкин, VIII, 77], весьма скептически был настроен по отношению к знаменитой «дворянской конституции». Вершина сословного правотворчества Екатерины II приобрела под пушкинским пером ярко выраженный оттенок деспотизма, замаскированный видимостью «кротости и терпимости». В записке «О дворянстве» Пушкин резко высказался против принципа выслуги, полагая, что потомственность и родовитость есть главное условие независимости дворянина от капризов власти. Правление Екатерины II олицетворяло для поэта эпоху произвола по отношению к высшему сословию с «жестокими законами и мягкими нравами» [Там же, VII, 536]. Екатерина нарушила внутрисословное равновесие, подтвердив вслед за Петром Великим расширение практики пожалования личного дворянства. В итоге опора монархии стала формироваться из «преданных наемников», подавив этим любое проявление независимого корпоративного самосознания нобилитета.

Оценивая результаты эпохи Петра I, Пушкин видел в грозном преобразователе черты как Робеспьера, так и Наполеона, который, созидая империю, сам же способствовал ее ослаблению, не стыдясь отнимать наследственные права у аристократии [см.: Там же]. То же противоречие Пушкин усматривал и в законодательстве Екатерины II. «Екатерина уничтожила пытку — а Тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти», — писал поэт, доказывая мысль о ничтожности сословных реформ золотого века [Там же, VIII, 124]. В понимании Пушкина самодержцы XVIII в. уничтожили всякую возможность политического союза власти и аристократии. Между тем именно потомственный дворянин, живущий веками бок о бок с крестьянством, способен стать надежным защитником интересов низших сословий уже по одной своей близости к власти. Для Пушкина, как и для многих других представителей интеллектуальной дворянской элиты начала XIX в., понятие «сословной чести» оказалось неразрывно связанным с идеалами «общего блага».

Иными настроениями пронизаны воспоминания Е. П. Яньковой, собранные ее внуком Д. Д. Благово в «Рассказах бабушки...» Правнучка В. Н. Татищева в генеалогическом древе которой пересекаются ветви Римских-Корсаковых, Волконских, Щербатовых, Салтыковых и Толстых, Елизавета Петровна сама себя называла «бесклассной дворянкой». Это подчеркивало частный характер ее рассказов о виденном и пережитом. Е. П. Янькова родилась 29 марта 1768 г. По воспитанию она принадлежала к тому поколению аристократии, которое уже испытало на себе расслабляющие последствия отмены обязательной службы. Она очень гордилась тем, что по отцу приходится равной Милославским, «состоявшим в родстве с первой супругой царя Алексея Михайловича» [Рассказы бабушки, 1989, 112]. Пяти-сотлетнее дворянство позволяло Яньковой легко отходить от нормативных схем сословного поведения. Елизавета Петровна с гордостью отмечает, что батюшка ее «был точно барин... он всякого дворянина принимал как равного себе» [Там же].

Сословные предрассудки прошлого кажутся ей несколько вздорными. Так, о своей бабушке Е. В. Татищевой она упоминает как о «большой барыне крутого нрава», которая была в настолько большом почете, что «не очень церемонилась с мелкими соседями. Янькова не осуждает своих предков: Е. В. Татищева была просватана за А. Л. Римского-Корсакова императрицей Анной Иоанновной. Предметом сословной гордости дочери знаменитого историка был тот факт, что Анна собственноручно благословила ее иконой, пожаловав драгоценности и «глазетовое платье со своего плеча» [Рассказы бабушки, 1989, 10—12, 16—17]. В то же время для самой Яньковой высшей ценностью является нравственное превосходство дворянина над лицами других состояний, формирующее понятие о сословной чести. Чувство живой симпатии у нее вызывает московский главнокомандующий П. Д. Еропкин, который отказался от пожалованной ему вотчины за усмирение чумного бунта 1771 г. в Москве, объяснив это тем, что за неимением детей не хочет использовать службу для обогащения. По свидетельству Яньковой, Еропкин и в дальнейшем пресекал все попытки Екатерины II наградить его значительным состоянием.

Мемуаристка неоднократно подчеркивает, что честь и служба — нерасторжимые понятия. Примером сословного идеала Яньковой является род князей Голицыных, давший «бесчисленное количество замечательных лиц». Описывая деятельность Д. В. Голицына на должности генерал-губернатора Москвы в 1820-е гг., она хвалит его за отсутствие сословной спеси, доступность и готовность оказать помощь любому просителю: «...в продолжении своего долгого правления он... очень многих людей спас от гибели... и безо всяких судилищ и тяжб... соглашал враждовавших». Подобные оценки не всегда находили поддержку в аристократическом окружении Яньковой. Горькое недоумение вызывала у рассказчицы ее «перенапыщенная» невестка М. П. Долгорукова, не «приученная быть приветливой с каждым порядочным человеком» на том основании, что ее пожаловали фрейлиной двух императриц из-за личного расположения Александра I к старшему брату княжны [Там же, 28—30, 111—112, 182].

Неординарность взглядов Е. П. Яньковой прослеживается и в характеристике коронованных особ, данных ею по рассказам своих чиновных родственников, представленных ко двору. Екатерина II описана проницательной государыней, угадывающей слабости своих приближенных, чтобы использовать их для создания собственного образа покровительницы Отечества. В характере Александра I рассказчица подчеркивает умение располагать к себе сердца подданных, нравственность и благочестие. Впрочем, иллюзия привлекательности сразу же развенчивается: «Были люди, — замечает Янькова, — которые обвиняли Александра Павловича в неискренности. В этом я не судья» [Там же, 293, 112—113]. Видимая безразличность оценки не должна обманывать читателя. В тексте «Рассказов» упоминается случай о том, как Александр I витиевато и сухо выразил соболезнование княгине А. С. Долгоруковой по поводу смерти ее сына, получив в ответ: «Вы можете... всегда иметь... друзей, а я... сына уже не найду» [Там же, 112—113]. Подобное поведение составляет для Яньковой отличительную черту дворянского

достоинства, которым не может пренебречь и сам император. Не типичное, но должное для конкретных обстоятельств постепенно превращается в норму поведения для человека, претендующего на звание истинно благородного дворянина.

Младшая современница Яньковой знаменитая фрейлина А. О. Смирнова-Россет много лет спустя вспомнит известный в придворных кругах анекдот о часовом, который по приказу Александра I охранял последний плод на померанце, и напишет в «Автобиографических записках»: «Тот, который говорил m-m Stael: “Je ne suis qu’un hereux accident”¹, был либеральнее на словах, чем в действительности. Мучить часовых из-за померанца непростительно» [Смирнова-Россет, 1989, 146]. «Черноокая Россети», как называл Александру Осиповну А. С. Пушкин, не отличалась блеском происхождения, несмотря на родство по материнской линии с князьями Цициановыми. Проблема знатности рода всегда оставалась первостепенной для любимой фрейлины императрицы Александры Федоровны, несмотря на высокое положение Смирновой-Россет при дворе. В комментариях С. В. Житомирской к мемуарному наследию «перла всех русских женщин» (выражение Н. В. Гоголя) справедливо отмечена тенденция «Автобиографических записок» дать идеализированный портрет Николая I, не представляющего истинного положения дел в империи благодаря придворным лъстецам [см.: Житомирская, 1989, 597]. Вопреки тенденциозности оценок, любопытным представляется предложенная мемуаристкой модель противопоставления просвещенного и манерного Александра I его консервативному и грубоватому брату Николаю Павловичу. Александр высмеивается Смирновой ядовито и зло. По словам рассказчицы, император, совершая однажды поездку по России, посетил Калугу, будучи сильно не в духе из-за дурного состояния дороги: «С горы пришлось спустить его экипаж на руках». В свое оправдание губернатор Омеляненко, сам руководивший дорожными работами целую неделю, сказал, что на починке подъездного пути было занято 8000 человек. В ответ Александр I гневно воскликнул: “50000, милостивый государь, когда едет ваш император!”. Нелиберальный Николай Пав<лович> после приключения в Чембаре не ездил более со своим кучером Яковым, на станциях ему выбирали лучшего кучера. От Подольска до Москвы дорога была ужасная. Ямщик ехал шагом. Государь был подвержен мигреням, его тошнило, он сказал...: “Я лучше пойду пешком”. Ямщик повалился ему в ноги: “Государь, я пропал, если скажут, что я своего царя не умел везти”. Он сел, и 6 часов битых они тащились до Москвы» [Смирнова-Россет, 1989, 147].

Выразительная прорисовка двух столь несхожих характеров имеет глубокий внутренний смысл. Для Смирновой истинное величие императорской власти заключено в нравственном порыве души, который на короткий миг превращает государя в мудреца, способного возвыситься до признания права каждого своего подданного на личное достоинство. Сходную смысловую нагрузку несет и другой анекдот, подтвержденный свидетельством П. А. Вяземского: «Александр умел быть

---

¹ «Я лишь счастливая случайность» (фр.)

колким и учтивым. На маневрах он раз послал с приказанием князя Лопухина, который был столько же глуп, как красив; вернувшись, он все переврал, а государь ему сказал: «И я дурак, что вас послал!». В подобной же ситуации «Николай Павлович» сказал генералу Токареву: «Я дурак, что вас послал!» и, по словам Смирновой, «на другой день извинился перед фрунтом» [Смирнова-Россет, 1989, 147].

Обзор материалов дворянской публицистики и мемуарной литературы позволяет сделать вывод о несовпадении общественно-политических идеалов дворянской эпохи с официальной доктриной сословного правотворчества власти. Российский абсолютизм последовательно держал курс на сохранение относительной самостоятельности в формировании юридического статуса «высшего сословия». В Жалованной грамоте дворянству 1785 г. и сопутствующих ей нормативных актах сословная принадлежность к «нарицанию благородному» определялась «заслугами начальствующих в древности мужей». Наряду с происхождением от древних служилых фамилий равноправным способом приобретения дворянства считалось пожалование благородного звания монархом за заслуги перед Отечеством. Почти буквальное повторение данных формулировок в Своде законов Российской империи свидетельствовало об открытом признании того факта, что как привилегированный слой общества высшее сословие возникло на почве государственной службы. Утверждение П. В. Долгорукова о том, что «мнимые привилегии» высшего сословия создавались для усиления могущества императорской власти, было продиктовано скорее трезвой оценкой сословного законодательства, нежели оппозиционными настроениями по отношению к петербургскому двору [см.: Долгоруков, 1992, 49—50]. «Служба предков» до начала XX в. оставалась главным критерием полноправного правового статуса каждого дворянина, что нередко противоречило росту нравственного и политического самосознания представителей высших кругов дворянского сословия, уже не связывавших воедино понятия «честь» и «послужной список».

Данная выборка не претендует на всеобщность. Это всего лишь единичные свидетельства и мысли «отголосков поколений... которые уже сошли с лица земли». Беглые зарисовки частных политических суждений и мелочей ежедневной частной и придворной жизни все же способны пролить свет на сложные процессы, которые происходили в сознании дворянской элиты второй половины XVIII — начала XIX в. Неординарность мысли и поведения в типичных ситуациях постепенно превращается в ведущий признак, отличающий личность, «которой поведение не принуждено обстоятельствами делать притворство» [Марасинова, 2000, 215], от безликого «слуги отечества».

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986.

Безбородко А. А. Записки 1799 года // Григорович В. Канцлер князь А. А. Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., Т. 2. 1881.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 3. М., 1993.

- Боханов А. Н. А. С. Пушкин и национально-государственная самоидентификация России // Отечественная история. 2002. № 5.
- Бумаги А. П. Волинского // Памятники новой русской истории. Т. 1, отд. 2. СПб., 1871.
- Бумаги Н. И. Шувалова // Русский архив. 1867. Кн. 1.
- Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992.
- Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
- Записка неизвестного лица о Сенате и государственном устройстве // Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877.
- Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового уложения // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1869. Т. 4.
- Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. Т. 4. М., 1989.
- Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоановны. Казань, 1880 (Прил. 2).
- Марасинова Е. Н. «Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов»: (Опыт исследования сознания российской дворянской элиты последней трети XVIII — начала XIX века) // Казус 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000.
- Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. М., 1988.
- Обзор занятий Большого собрания с 7 апреля по 9 сентября 1768 г.: Проект правам благородных // Сб. Рус. ист. об-ва. Т. 32. СПб., 1881.
- Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.
- Панин Н. И. Проект манифеста об учреждении Императорского Совета // Сб. Рус. ист. об-ва. Т. 7. СПб., 1871.
- Подлинные мнения депутатов на Проект правам благородных // Там же. Т. 36. СПб., 1882.
- Проект нового Уложения, составленного законодательной комиссией 1754—1766 годов. СПб., 6. г.
- Проект правам благородных // Сб. Рус. ист. об-ва. Т. 32. СПб., 1881.
- Прокопович Ф. О конце Петра II: Прил. к запискам дюка Лирийского // Русский архив. 1909. Кн. 3.
- Протасов Г. А. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970.
- Протасов Г. А. Дворянские проекты 1730 года (источниковедческое обозрение) // Источниковедческие работы. Вып. 2. Тамбов, 1971.
- Протасов Г. А. Записка В. Н. Татищева о «Произвольном рассуждении дворянства в событиях 1730 г.» // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830.
- Пушкин А. С. Автобиографическая проза: Дневники // Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 60.
- Пушкин А. С. Автобиографическая проза. Начало автобиографии // Там же. Т. 8. С. 77.
- Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Там же. Т. 8. С. 123—125.
- Пушкин А. С. О дворянстве // Там же. Т. 7. С. 537.
- Пушкин А. С. О народном воспитании // Там же. Т. 7. С. 42—43.
- Пушкин А. С. Опровержение на критики // Там же. Т. 7. С. 196.
- Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. Отрывки // Там же. Т. 7. С. 636.
- Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М., 1989.
- Рахматуллин М. А. А. С. Пушкин, российские самодержцы и самодержавие // Отечественная история. 2002.
- Романович-Славятинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912.
- Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
- Соколова Е. С. Абсолютизм в России XVIII — первой трети XIX века: «дворянская империя»

или «надсословная монархия»? // Проблемы курса истории государства и права: Исследования и материалы. Екатеринбург, 2004.

Соколова Е. С. Екатерина II и российское дворянство: из истории формирования сословной доктрины «просвещенного абсолютизма» // Историко-юридические исследования Российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998.

Татищев В. Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Избр. произв. Л., 1979.

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

Щербатов М. М. Размышления о дворянстве // Щербатов М. М. Соч. Т. 1. СПб., 1896.

Щербатов М. М. Размышления о законодательстве вообще // Там же.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. М., 1985.

В. А. Шкерин

БЫВШИЕ ЧЛЕНЫ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ ДЕКАБРИСТОВ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 1830—1840-е гг.

Несколько лет назад доктор философских наук С. А. Экштут предпринял любопытную попытку сконструировать вероятный ход событий в случае, если бы восстание декабристов завершилось успехом. Цепь рассуждений была доведена автором до того момента, когда победившие революционеры приходят к прискорбной необходимости подавления стихии народных бунтов [см.: Экштут, 1996, 56—62]. Дворянская боязнь новой пугачевщины, «ужасов народной революции» стала одним из краеугольных камней фундамента, на котором возводились стратегии декабристских обществ. Эти стратегии предполагали опору на узкий круг посвященных, на конспиративную организацию, будь то план создания «государства в государстве» или замысел военной революции. Но декабристы и подавление крестьянских восстаний — не слишком ли вольная фантазия? Поставленный вопрос провокационен лишь в том смысле, что в основе его не вымышленная, а реальная историческая ситуация: действительно, ряду участников декабристского движения довелось сыграть отнюдь не рядовые роли в борьбе с крестьянскими выступлениями в эпоху царствования Николая I.

События 1825—1826 гг. не привели к исчезновению людей с декабристским прошлым из политической жизни Российской империи. Из 579 человек, отмеченных правителем дел следственной комиссии А. Д. Боровковым в «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу», 290 были признаны чистыми от всяких подозрений. В это число попали люди либо не причастные к деятельности обществ, либо состоявшие в них (преимущественно до 1821 г.), но исповедовавшие либерально-реформаторские, а не революционные убеждения. Как правило, они не претерпели каких-либо ограничений в даль-